

ДНЕВНИК

Б.С. СТОМОНИКОВА

№ 2013.

СЕКРЕТНО.

245

РАССЕКРЕЧЕНО

ПРИЕМ ЛАТВИЙСКОГО ПОСЛАНИКА, 7.1-35 года.

I. Бильманис пришел в связи со статьями "Известий" и "Правды" по делу Биссенекса. Он, в полном согласии с моим первоначальным заявлением, что мы, в интересах советско-латвийских отношений, не хотим раздувать это дело и поэтому не даем сообщений в печать, - делал и делает все возможное для того, чтобы вокруг этого дела было поменьше шума, и чтобы оно не повредило нашим столь хорошим в настоящее время отношениям. Следуя этой линии, он, при появлении статей в "Правде" и в "Известиях" кратко информировал о них Ригу, подчеркнув, что статьи написаны в связи с выступлением тов. Майского в Лондоне и ни в какой степени не задевают Латвию. К сожалению, однако, ТАСС передал содержание этих статей за границу, а также в Ригу. Там были очень взволнованы. В результате он получил поручение переговорить со мной. Дело в том, что в статьях имеются не соответствующие действительности утверждения. Во-первых, говорится о том, что консул не то знал о предстоящем покушении на тов. Кирова, не то даже участвовал в подготовке этого покушения. В протоколах следствия, ^{однако,} которые я ему показал, прямо сказано, что Николаев ничего о своих террористических замыслах никому не говорил. Во-вторых, в газетах говорится о том, будто Биссенекс готовил побег террористов за границу и т.д.. Между тем, в протоколах следствия нет абсолютно ничего подобного. В-третьих, в газетах говорится о маленьком государстве, которое, по поручению большого государства, готовило интервенцию. Но в протоколах нигде не видно, чтобы Биссенекс действовал по поручению латвийского правительства, и чтобы латвийское правительство и Биссенекс готовили интервенцию. - Все это очень плохо для наших отношений, ибо вызвало большое возмущение в Риге и много шума за границей. Бильманис сказал, что опубликование этих статей противоречит моему первоначальному заявлению, и спросил, как я отношусь к этим статьям. В частности, он спросил мое мнение относительно отмеченных им противоречий между содержанием статей и протоколами следствия.

Я ответил, что НКВД не отвечает за прессу, и появившиеся статьи являются комментариями общественного порядка к делу Биссенекса. Посланник действительно отметил некоторые ^{не}соответствия между содержанием статей и протоколами следствия. Необходимо, однако, учесть, что посланник прочел отдельные места оригинальных протоколов, в то время, как авторы этих статей писали по-наслышке.

Б. воскликнул: "Но ведь в статьях имеются ссылки на "достоверные источники".

Я сказал, что я могу заверить посланника, что ни НКВД, ни судебные органы никаких материалов в прессу не давали. На какие источники ссылаются газеты, мне неизвестно. Посланник сам, кажется, был журналистом и знает хорошо, как такие дела делаются, - тем более, что он был журналистом в Латвии, а там производится большое количество анти-советских выдумок и статей.

Б. поправил, что он был "шефом прессы", и просил не забывать, что он энергично боролся с анти-советскими выдумками в Латвии.

В связи с заявлением посланника, что он стремится сделать все возможное, чтобы избежать шума вокруг дела Биссенекса, я сказал, что, насколько мне известно, сам Биссенекс говорил что-то прессе о выдвинутых против него обвинениях.

Б. отрицал это и в заключение просил меня принять меры к тому, чтобы наша пресса больше не писала по этому делу.

Я сказал, что передам его просьбу; но гарантировать ее выполнение не могу, поскольку НКВД никаких распоряжений прессе давать не может.

2. В связи с этим, Б. вновь сделал декларацию о том, что он делал и делает все возможное для укрепления и развития наших отношений, и тут же поставил вопрос о приезде к нам Мунтерса. Он, Б., получил письменное сообщение от мининдела, что премьер Ульманис был бы очень рад, если бы совпра согласилось рассматривать ^{(визит} Мунтерса, который, будучи Генеральным Секретарем Мининдела, фактически управляет мининделом, поскольку титулярным министром иностранных дел является сам Ульманис. Этот визит был бы крайне желателен для того, чтобы устранить всякие сомнения в на-

в качестве ответного визита на визит тов. Личерина

ших отношениях и дать дальнейший толчок для их дружественного развития. Ульманис хотел бы, чтобы у нас предварительно была выработана программа собеседований с Мунтерсом в Москве, и чтобы Мунтерс был принят не только тов. Литвиновым, но ^{также и} тов. Молотовым и Сталиным. В качестве проекта программы для собеседований Мунтерс выдвинул в письме к Б. следующие вопросы: 1. Сотрудничество в Лиге наций; 2. Восточный Пакт; 3. Торговые отношения; 4. Усиление культурного сближения, взаимные визиты журналистов и т.д. и т.п.

Я сперва "пропустил мимо ушей" заявление Б., и разговор автоматически перешел на другую тему. В конце беседы Б., однако, прямо спросил о моем отношении к приезду Мунтерса.

Я ответил, что, как посланнику известно, я высоко ценю Мунтерса и был бы очень рад его приезду в Москву, - однако, поскольку взаимные визиты являются, прежде всего, событиями протокольного характера, - я опасаясь, что мое правительство не будет рассматривать визит Мунтерса, ^{как ответ} на состоявшийся в свое время визит Чичерина. Я, однако, должен переговорить по этому вопросу с тов. Литвиновым.

Нисколько нерасколовленный моим ответом, Б. горячо убеждал в желательности приезда Мунтерса и просил скорее обсудить и дать ему ответ. При этом он подчеркнул, как симптом особенного стремления Латвии к улучшению отношений с СССР, тот факт, что предложение о приезде Мунтерса выдвинуто в том же письме, в котором ему, Б., дается поручение попросить у меня материалы по поводу обвинения Биссенекса. Таким образом, - заключил Б., - даже и это неприятное дело не повлияло на дружественные отношения Ульманиса к СССР.

Б. Стомоняков.

12 экз. мс/во.

- 1 - т. Литвинову.
- 2 - т. Крестинскому.
- 3-4 - в дело.
- 5 - 1 30.
- 6 - Рига.
- 7-8 - тов. Сталину.
- 9 - тов. Молотову.
- 10 - тов. Ворошилову.
- 11 - тов. Кагановичу.
- 12 - тов. Орджоникидзе.